

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Яркеев А.В. Пастырская власть как управленческая парадигма: к ранним истокам идеи полицейского государства // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 37-56.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_37

УДК 321

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_37

Пастырская власть как управленческая парадигма: к ранним истокам идеи полицейского государства

Алексей Владимирович Яркеев

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

*Поступила в редакцию 27.03.2025, поступила после рецензирования 19.05.2025,
принята к публикации 26.05.2025*

Статья посвящена историко-философской реконструкции формирования идейных предпосылок возникновения европейского государства полиции (Polizeistaat) как амбициозного унитарного проекта XVII–XVIII вв. по обеспечению безопасности, роста государственного могущества, благополучия и процветания посредством всеохватывающего административного воздействия на жизненные процессы населения. Актуальность обращения к историко-философской ревизии концептуальных ресурсов идеи полицейского государства связана сегодня в том числе с происходящим в России и либеральных обществах Запада «консервативным поворотом»,

© Яркеев А.В. , 2025

сопровождающимся реанимацией императивности и эффективности сильного патерналистского государства, предполагающего практики масштабной интервенции в общественную жизнь. Как известно, в работах М. Фуко возникновение полицейского государства на заре западной биополитики непосредственно связывается с идеей пастырской власти. Несмотря на несомненные достоинства исследований М. Фуко, его анализ не является исчерпывающим, так как заметным образом упрощает процесс трансформации пастырства в парадигму администрирования. Следуя в русле парадигматической онтологии (Дж. Агамбен), соединяющей в себе историко-герменевтический подход с философской археологией идей, автор обосновывает гипотезу о том, что идея полицейского государства в своем длительном формировании, фактически соразмерном истории самого государства с древнейших времен, вырастает из пересечения двух траекторий эволюции западного управленчества: одна из них черпает свое вдохновение в древнегреческой модели биополитического пастырства, вторая уходит корнями в модель пастырского служения институционального христианства. Зарождение на рубеже XVI–XVII вв. рафинированной политической рациональности, центрированной понятием государственного интереса (*ratio status*), стало началом процесса, в ходе которого две формы пастырской рациональности управления людьми (*ratio pastoralis*) начали тесно переплетаться, породив в XVII–XVIII вв. полицию и биовласть как светские модальности пастырской власти современного государства.

Ключевые слова: полицейское государство; полиция; государственное управление; биополитика; пастырство; пастырская власть; население

Pastoral Power as a Government Paradigm: towards the Origins of the Idea of the Police State

Aleksey V. Yarkeev

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Received 27.03.2025, revised 19.05.2025, accepted 26.05.2025

Abstract. The article presents a historical and philosophical analysis of the ideological foundations that led to the emergence of the European police state (ger. *der Polizeistaat*) as a comprehensive and unified project in the 17th and 18th centuries. This project aimed to secure safety, expand state power, and promote the well-being and prosperity of the population through extensive administrative regulation of social life. The contemporary relevance of revisiting the conceptual roots of the police state is linked, among other factors, to the current “conservative turn” occurring both in Russia and in liberal Western societies. This shift involves a renewed emphasis on the necessity and effectiveness of a strong paternalistic state, characterized by large-scale intervention in public affairs. Michel Foucault famously connects the rise of the police state at the dawn of Western biopolitics to the concept of *pastoral power*. While Foucault’s insights are certainly valuable, his analysis seems to oversimplify the complex transformation of *pastoral care* into a model of administration. Building on Giorgio Agamben’s paradigmatic ontology, which combines historical, hermeneutic and philosophical archaeology approaches, this article

argues that the idea of a *police state*, whose development parallels the history of the state itself since antiquity, originates at the intersection of two evolving forms of Western governance. One draws from the ancient Greek model of biopolitical pastoral care, while the other is rooted in the pastoral ministry of institutional Christianity. The emergence of refined political rationality centered on the concept of *state interest* (lat. *ratio status*) in the late 16th and early 17th centuries marked the beginning of a process in which these two pastoral rationalities (lat. *ratio pastoralis*) became closely intertwined. This fusion ultimately gave rise, during the 17th and 18th centuries to *police* and *bio-power* as secular manifestations of the pastoral power exercised by the modern state.

Keywords: police state; police; public administration; biopolitics; pastoral power; pastorate; population

For citation: Yarkeev A.V. Pastoral Power as a Government Paradigm: towards the Origins of the Idea of the Police State, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 37-56. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_37

История полиции столь же стара,
как история государства.

А.Ф. Филиппов

Чтобы полнее понять идею полиции, нам нужно
принять во внимание ее эволюцию.

М. Дин

Введение

Термин «полицейское государство» в широком публичном обращении активно эксплуатируется в качестве негативной контекстуализации правительственных действий, предъявляющей государственный аппарат в облике холодного и безжалостного чудовища-левиафана, так как в общественном сознании полицейское государство устойчиво ассоциируется с карательно-репрессивными техниками государственного вмешательства в жизненные процессы общества, сопровождающегося попранием гражданско-политических прав и свобод, жесткой регламентацией поведения людей, подавлением инакомыслия, цензурой, вездесущим контролем и т.п., то есть всем тем, что традиционно числится по ведомству тоталитарной диктатуры и противопоставляется правовому государству (Кильдюшов 2013: 10-11). В исследовательской среде, однако, уже не является какой-то экзотикой или особым секретом то обстоятельство, что идея полицейского государства изначально имела сугубо позитивный смысл, подразумевающий создание и поддержание «доброго порядка» для достижения всеобщего блага, счастья, богатства и процветания. Соответственно, идея полицейского государства как особого режима управления, будучи в свое время центральной составляющей более широкого комплекса идей экономической политики меркантилизма (камерализма в Германии), маркирует собой начальный этап эволюции западной рациональности эпохи модерна в направлении концепций государства всеобщего благоденствия/благополучия (Welfare State) и социального государства (Sozialstaat).

Вероятно, из-за своей дурной репутации в России термин длительное время не подвергался глубокому и всестороннему историко-философскому осмыслению, но за последние годы ситуация в академической среде в этом вопросе – в основном благодаря популярности работ М. Фуко, сыгравших немаловажную роль в актуализации научного интереса к историческому опыту континентального полицейского государства, – заметным образом претерпела некоторые изменения, о чем в первую очередь красноречиво говорит факт растущего количества научных публикаций, теоретически санкционирующих функции государства и полиции в социуме ссылками на классическую идею полицейского государства как совокупного управления жизнью общества¹. К этому стоит добавить, что драматические события последних нескольких лет – пандемия ковида, СВО и сопутствующие им социально-политические, экономические, демографические, духовно-нравственные и др. проблемы – во многом реабилитировали практики масштабной государственной интервенции в общественную жизнь, поскольку со всей очевидностью стало понятно, что государство как общепринятый стандарт политической организации на текущий момент не имеет сопоставимой альтернативы и реальных конкурентов на «рынке спасения» (Каспэ 2022). В контексте сегодняшних реалий, в том числе происходящего в России и либеральных обществах Запада «консервативного поворота», сопряженного с реанимацией императивности и эффективности сильного патерналистского государства, актуальность обращения к историко-философской ревизии концептуальных ресурсов идеи управления общественными процессами в административной форме полицейского государства, как представляется, не подлежит сомнению. Такое комплексное исследование, среди прочего, способно пролить свет на те стороны и моменты генеалогии

¹Классическое немецкое понятие *Polizeistaat* в конце 1930-х годов было освоено англоязычной общественностью в виде синтагмы «*police state*», которая нередко использовалась в политической публицистике в качестве общей дефиниции тоталитарных идеократических режимов. В новом изводе понятие полицейского государства акцентировало внимание на представлении о «централизованном господстве», «не опирающ[е]мся на правовые процедуры как свой основной принцип» (Филиппов 2013), вследствие чего полицейское государство ретроспективно стало казаться «государством без публичного права» (Луман 2012: 232). В итоге возникла семантическая путаница: термин «полицейское государство» стал использоваться без разбора для объединения разных типов государственного управления, которые с формальной точки зрения имеют целый ряд общих черт, но в содержательном плане являются принципиально отличными (Charman 1970: 11). В России после краха СССР термин «полицейское государство» как рамочный концепт инициировал растянувшуюся на многие годы волну разоблачений негативных сторон деятельности государств коммунистического лагеря. Перелом в данном вопросе произошел примерно после 2010 г., когда тот смысл полицейского государства, который вкладывался в это понятие до появления концепции правового государства и до превращения полиции в инструмент подавления и принуждения, стал предметом тематически сфокусированного интереса со стороны российских гуманитариев. Как заявил по этому поводу А. Филиппов, «в исследованиях современного российского общества нам надо учитывать историю полиции и полицейского управления» (Филиппов 2014: 10).

западного управленчества, которые все еще остаются в тени, но являются важными для понимания стратегической связи между идеями прошлого и настоящего.

Существует определенная логика и технология «полицейского управленчества», уяснить которые в своем существе можно лишь обратившись к философско-метафизическим детерминантам политической мысли. Цель нижеследующего текста – проследить в общих чертах извилистый путь становления идеи полицейского государства как режима управления социальным благополучием на основе ее ранних истоков, определяющих человеческое существование в ипостаси *zoon oikonomikon*, а не *zoon politikon* (различие между ними обусловлено аристотелевской дистинкцией между *oikos* и *polis*). Если последняя в длительной исторической перспективе фундирует собой политическую схему отношения «город – гражданин», ориентированную на реализацию прав и свобод в границах эгалитарной политико-юридической структуры сообщества, то первая характеризует биополитическую схему отношения «пастух – стадо», связанную с понятием заботы о живых существах с их нуждами и потребностями (Дин 2016: 214-229). Полицейское государство – это максимально рационализированная и бюрократизированная версия пастырской власти, опирающаяся на современные знания, инструменты контроля и управления.

Представленная здесь парадигматическая экспозиция полицейского администрирования в облике *oikonomia* задается в теоретико-методологическом отношении использованием историко-герменевтического подхода и философской археологии (истории) идей², обобщаемых понятием парадигматической онтологии, или парадигматологии (Agamben 2009a), в рамках которой парадигма мыслится как место встречи (пересечения) синхронии и диахронии, структуры и истории, аналогии и генеалогии.

Полицейское государство как биополитический проект

Общенациональная полиция в известном нам ныне виде, то есть как специальное государственное учреждение, являющееся проводником суверенного права на насилие внутри страны и отвечающее за внутреннюю безопасность и принудительное поддержание правопорядка, обособилась только в самом конце XVIII в. (Кревельд 2020: 208-209), тогда как контуры полицейского государства начали вырисовываться раньше – вместе с образованием классического европейского государства после конфессиональных гражданских войн XVI–XVII вв. С этого момента история больше не понимается как конечное движение земных политий к универсальной христианской империи перед Вторым пришествием; отныне история предстает как бесконечная перспектива множества соперничающих государств, подчиненных преследованию собственного государственного интереса

² О философской истории понятия и института полицейской власти более подробно см.: (Lamb 2024).

(ratio status). Понятие государственного интереса предполагает эмансипацию государства от религиозных и юридических рамок конституирования политической рациональности в пользу имманентной необходимости укрепления сил самого государства. Под полицией тогда стали понимать деятельность, направленную на обеспечение общего блага подданных и поддержание внутригосударственного порядка в самом широком смысле «внутренних дел», с политикой же начали отождествлять преимущественно внешнюю деятельность суверенного государства, ориентированную на другие суверенные государства (Дин 2016: 240-241; Шмитт 2016: 282, 410).

В значительной степени учреждение полиции как аппарата, предназначенного для реализации государственного интереса, было обусловлено появлением на горизонте новой реальности – населения, а также тесно связанной с ним политической экономии как новой формы мышления о государственном управлении (Дин 2016: 92-93; Фуко 2011: 363). Задачей полицейского государства было всемерное содействие улучшению качества жизни населения и увеличению его численности на основе наук об обществе и человеке и производных от них техник регуляции. Понятие «население» возникло в тот момент, когда существование государства, умножение его могущества, благосостояние и процветание были поставлены в зависимость от людского множества, «которое пронизано механикой живого и служит опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия – вместе со всеми условиями, от которых может зависеть варьирование этих процессов» (Фуко 1996: 243-244). Включение в XVIII в. биологических параметров населения государственную территорию индивидов во властные механизмы, стратегии и расчеты является отправной точкой становления новой модальности власти – биовласти. Возникновение биополитики М. Фуко связывает с изменением *raison d'être* государства, а именно с переходом (смещением акцента) от обеспечения территориального суверенитета к осуществлению министерского управления, или администрирования, призванного «модифицировать биологическое существование людей» (Фуко 2011: 26). Новая парадигма государственного управления – «биорегуляция с помощью государства» (Фуко 2005: 264) – нуждается в особом, точном и выверенном знании о возможностях государства, средствах и способах увеличения его могущества на основе и за счет жизнедеятельности людей. Такое знание разрабатывалось в XVII–XVIII вв. главным образом в немецкой университетской среде как «полицейская наука» (Polizeiwissenschaft)³. Полиция как способ обеспечения государственного интереса посредством сквозного воздействия на жизненные процессы населения – это «искусство с его практической стороной и со стороной знания» (Фуко 2011: 337). Важно отметить, что для полиции население – это не совокупность политико-юридических субъектов прав и обязанностей (*civitas*), а множество живых индивидов

³ То, чем для Германии 1945 года была социальная рыночная экономика, для Германии 1648 года после Тридцатилетней войны было полицейским государством (Burchell et al. 1991: 11).

(animalia), нуждающихся во внимании и заботе, с одной стороны, а с другой стороны – подлежащих дисциплинаризации и нормализации.

Таким образом, формирование полицейского государства неразрывно связано с рождением биополитики. Согласно ранее высказанной гипотезе (Яркеев 2021; см. также: Попов 2022), биополитические практики управления населением эксплицитно присутствуют на протяжении всей истории развития государства с древнейших времен, что позволяет также сделать вывод о длительном генезисе предпосылок появления классического полицейского государства в эпоху зарождения биополитики⁴. Разумеется, говорить о существовании даже чего-то отдаленно напоминающего полицейское государство применительно к ранним политическим образованиям не приходится, но вполне можно обнаружить в их границах отдельные элементы полицейского администрирования в зародышевой форме, из которых и на основе которых в ходе многовекового процесса выкристаллизовалась идея всеохватывающего управленческого «полицирования» (policing)⁵.

Управление людьми: концепция пастырской власти

Из исследований М. Фуко явствует, что государство полиции, по сути, представляет собой секулярное продолжение пастырских техник в христианстве, послуживших истоком идеи о том, что государство должно заботиться о благосостоянии своих граждан (Дин 2016: 210). Особенностью пастырства как управленческой техники является его обращенность одновременно к каждому индивиду и к множеству в целом (*omnes et singulatum*). По мнению М. Фуко, методы христианского пастырства постепенно внедрялись в политический аппарат формирующегося государства раннего модерна, порождая «полицейское управленчество», задачей которого было вовлечение индивидов в полезную для государства деятельность путем улучшения жизни, обеспечения счастья и здоровья граждан.

В свою очередь христианское пастырство производно от идеи царя как заботливого по отношению к стаду пастуха, зародившейся в ближневосточном регионе, то есть как раз там и тогда, где и когда образовались первые

⁴ «Следует учесть, что те или иные полицейские функции выполнялись в разных странах с глубокой древности самыми разными способами, о чем не уставали напоминать и первые теоретики “полицейской науки”, возводившие слово “полия” к слову “полис”» (Филиппов 2012: 330).

⁵ Например, тот факт, что появление первых государств сопровождалось возникновением первых форм письменности, свидетельствует о необходимости обладания властителями и чиновничеством специфическим знанием как знанием по существу своему *полицейским* для эффективного управления территорией и подданными с помощью систематических технологий количественного учета (земли, населения, поголовья скота, урожая, налогов, хранилищ, посевного зерна и т.п.), что потребовало создания соответствующей системы обозначений и метода их фиксации (во всяком случае, все без исключения древнейшие клинописные таблички из найденных археологами связаны с учетом). Речь идет о государственной статистике, бурное развитие которой в XVII в. было непосредственно связано с идеей полицейского государства.

протогосударственные цивилизации. Концепция доброго и заботливого царя-пастыря была широко распространена в религиозно-политической культуре ближневосточного региона и существовала в течение долгого времени (Астапова 2017; Фуко 2011: 182-187; Waters 1970). Популярность пасторальной метафоры, предположительно, была связана с особенностями скотоводства Древнего Ближнего Востока, где разводили овец, коз и крупный рогатый скот, но овцы составляли самую многочисленную категорию. В отличие от большинства других домашних животных древнего мира, овец разводили в основном ради шерсти, а не мяса. Учитывая, сколько времени и усилий уходило на их разведение, а также то, что шерсть можно было собирать каждый год, разведение овец для забоя не имело особого экономического резона. Это не значит, что овец не ели, но еда была не первой ассоциацией, которая возникала в сознании жителей Ближнего Востока при мысли об овцах. Следовательно, ближневосточные правители могли использовать образ царя-пастыря, чтобы указать на усердную заботу, не вызывая при этом неприятных ассоциаций с убийством. Большое количество овец в каждой отаре также хорошо соотносилось с образом царя, управляющего множеством подданных (Ivy 2010).

Как видно, идея пастырской власти связана не столько с территорией («пастбищем»), сколько с множеством живых единиц («стадом»), составляющих население, о выживании и благополучии которого должен заботиться властитель (Фуко 2011: 185-187). Действительно, население как привилегированный объект управления действительно заявляет о себе с самого начала истории государства. Древние государства были самыми настоящими «машинами по производству населения» (Скотт 2020: 176). Государственный контроль над плодородными землями в древнем мире был лишь одной стороной медали, не имеющей значения без трудящегося населения. Истинная мощь государства определялась не просто наличием территории, а эффективным управлением человеческим ресурсом – умением собирать, расселять вблизи центра власти, удерживать и мотивировать людей к производству излишков, превышающих их собственные потребности. Сила и могущество государства как огромного хозяйства (*oikos*) напрямую зависели от численности и производительности населения, уподобляемого домашней скотине (Скотт 2020: 47). Задача максимизации трудящегося населения, усугубляемая постоянными угрозами сокращения его численности из-за стихийных бедствий, эпидемий, войн, неурожаев и бегства стояла перед правителями древних государств во всей остроте, определяя их успехи и неудачи. Распад государства часто объяснялся именно неспособностью правителя обеспечить воспроизводство и благополучие своего населения, неумением мудро и эффективно управлять этим важным ресурсом (Скотт 2017: 113).

Идея пастырской власти, прочно укоренившаяся в политической традиции, представляет собой куда более сложный феномен, чем простое сравнение правителя с пастухом, а народа – со стадом. Хотя внешне метафора кажется лапидарной – подданные как домашняя скотина (пасущееся стадо), государственная территория как огороженное пастбище, правители как заботливые и умелые пастухи, – ее глубина кроется в понимании ответствен-

ности и природы власти. В отличие от модели власти, основанной на силе и подчинении, пастырский подход акцентирует внимание на заботе о благополучии «стада», на его выживании и процветании, а не только на контроле и подавлении. Правитель в этой модели не просто контролирует территорию, а несет ответственность за всех, кто находится под его «пастырским» попечительством. Это предполагает не только обеспечение безопасности от внешних угроз, но и заботу о внутреннем благополучии: обеспечение довольствия, разрешение конфликтов, установление справедливости. В современной политической мысли понятие пастырской власти подвергается критической оценке: возрастание значения индивидуальных прав и свобод подвергает сомнению саму идею о населении как «стаде», необходимости в едином пастыре и его особой заботе. Тем не менее, идея об ответственности правителей перед своим народом, о заботе об общественном благополучии остается актуальной. Современное понимание пастырства в политике преобразуется в понятие служения народу, в рамках которого роль правителя видится в обеспечении справедливости, равных возможностей и условий для благополучия и процветания всех и каждого в отдельности.

Пасторальная биополитика Античности

Основным способом, с помощью которого царь-пастух должен был управлять своим народом-стадом, были законы⁶. «Пастух есть тот, кто вершит закон, распределяя пищу, управляя стадом, указывая нужное направление, составляя пары особей так, чтобы они принесли хорошее потомство. Все это – функции пастуха, который вершит закон в своем стаде» (Фуко 2011: 197). Отголосок идеи царя как пастуха, устанавливающего внутригосударственный порядок жизни своих подданных посредством закона, сохранился в древнегреческом термине *nomos*, этимологически отсылающем к словам «пастбище» (*nemos*), «пастух» (*nomeus*), «пасущиеся стада» (*nemontai*) (Шмитт 2008: 51-58; Zartaloudis 2019: 121-149). Соответственно, хорошее управление государством (*eunomia*) – это добросовестное исполнение пастырских функций⁷.

Античная политическая мысль унаследовала идею пастырского руководства от политической идеологии восточного Средиземноморья. По словам М. Фуко, «существует достаточно последовательная и устойчивая традиция, которая на протяжении всей Античности сохраняла фундаментальное убеждение в том, что правитель, тот, кто принимает в городе

⁶ В частности, в своде законов древневавилонского царя Хаммурапи, в котором зафиксирована неумолимая интенция властителя укреплять государство и заботиться о внутреннем мире и благоденствии подданных, говорится: «Я, Хаммурапи – пастырь, избранный Энлилем... <...> ...устроивший пастбище и водопой для Лагаш и Гирсу... <...> ...пастырь народа, дела которого приятны Иштар... <...> Когда Мардук призвал меня управлять народом и доставлять стране благополучие, я даровал право и законы на языке страны, создав этим благосостояние народа» (цит. по: Тураев 2018: 51-53).

⁷ В диалоге «Политик» Платон называет искусство управления двуногим стадом людей, или «искусство пасти людей», *anthroponomia* (Политик. 266e).

решения, по сути своей – пастух» (Фуко 2011: 197). Тем не менее, он утверждает, что концепция пастырства для древнегреческой политической культуры была периферийной, не играла заметной роли в понимании того, как должен устраиваться и управляться полис. По его мнению, история политического пастырства на Западе начинается только с институционального христианства, претендующего на методичное управление посюсторонним существованием людей ради спасения и вечной жизни (Фуко 2011: 188). Отвержение им существования политического пастырства в Древней Греции также тесно связано с его утверждением, что в древнегреческих полисах не было биовласти. Полицейская власть и биовласть как формы светской пастырской власти, таким образом, представляют собой для М. Фуко кульминацию процесса, в ходе которого в христианской пастырской власти, занимающейся повседневной жизнью и поведением людей, начинает формироваться специфически политическая пастырская власть (Jobe 2015: 24). Несмотря на то, что в античной политической традиции присутствие образа царя-пастуха по большей части остается теоретико-исследовательским и дискуссионным, критикующим или оправдывающим этот образ, а не использующим его в качестве само собой разумеющегося (Brock 2013: 45), категоричный и далеко идущий вывод о том, что «рассуждения греков о политике непричастны к разработке темы пастушества» (Фуко 2011: 207), принять безоговорочно не получается, хотя бы по той причине, что данный образ дал плодотворную почву древнегреческим философам классического периода для глубоких размышлений о природе политического руководства, целью которого является обеспечение счастливой жизни (*eudaimonia*) граждан государства (Atack 2020). По всей видимости, политический образ пастуха имел особенно широкое хождение в кругах Сократа. Именно усилиями мыслителей сократических школ в философско-политической литературе на рубеже V–IV вв. до н.э. был выработан канонический образ царя-пастыря народа (Brock 2013: 45).

Первоначально выражение «пастырь народа» (*poimen laon*) встречается порядка 65 раз в античной эпической поэзии (в «Одиссее» и «Илиаде» Гомера и других ранних гекзаметрах) в значении руководства неуправляемой толпой или командования войсками (Brock 2013: 43). Среди греческих философов самый заметный след военно-пастырского значения можно обнаружить у Ксенофонта. Так, в «Воспоминаниях о Сократе» хороший царь сопоставляется с хорошим военачальником, отождествляемым с пастухом: стратег заботится, «чтобы солдаты были целы, чтобы они имели продовольствие и чтобы достигалась цель, ради которой они идут в поход» (Ксенофонт 1993: 75). Хороший царь (*basileus agathos*), подобно хорошему стратегу, заботится (*epimeleisthai*) о том, чтобы тем, над кем он царствует, жилось хорошо, чтобы они были счастливы (*eudaimonias*). В этом же сочинении Ксенофонт цитирует слова Сократа о том, что коллегия Тридцати подобна плохому пастуху (*kakos boukolos*), который своими действиями уменьшает число и качество своего стада, но не признаёт своей некомпетентности (Ксенофонт 1993: 15). В «Киропедии» Ксенофонт упоминает изречение персидского царя Кира о том, что «дела хорошего пастыря и хорошего царя

весьма схожи, потому что и пастырю надлежит извлекать из стада пользу, доставляя скотине тот вид счастья, который ей доступен, и царю точно так же подобает извлекать пользу из городов и людей, делая их счастливыми» (Ксенофонт 1976: 189), а также исследует, какие качества позволили Киру править успешнее других. Для Ксенофонта Кир был образцом того, как нужно руководить войсками и вдохновлять их, а также как после завершения военной кампании создавать стабильное правление на завоеванной территории. Сам Ксенофонт сравнивает пастухов с правителями (*archontes*), резонно при этом отмечая, что «стада охотнее повинуются своим пастухам, чем люди – своим правителям, ибо стадо отправляется в путь туда, куда его ведут, пасется там, куда его пригонят, не идет туда, куда его не пускают. <...> Люди же с величайшей охотой восстают против тех, кого заподозрят в желании установить над ними власть» (Ксенофонт 1976: 5). Однако пример успешного правления царя Кира показывает, что такое руководство вполне осуществимо: «...установление власти над людьми не должно считаться трудным или невозможным предприятием, если браться за него со знанием дела» (Ксенофонт 1976: 5). По мнению Ксенофонта, Кир сохранял свою власть, потому что его подданные были готовы ему подчиняться, отказавшись от политической самостоятельности, и это было следствием его разумного стиля руководства.

Возможность подчинения формально равноправных граждан полиса подобного рода правлению обстоятельно рассматривалась Платоном и Аристотелем. В «Государстве» Платон предлагает на роль лучших правителей обладающих знаниями философов (*philosophoi*), в «Политике» Аристотель допускает власть абсолютного царя (*pambasileus*), правлению которого сознательно подчиняются граждане из-за его выдающихся достоинств (Atack 2020: 179-196). В «Никомаховой этике» Аристотель замечает, что хороший царь, словно пастух (*poimeus*), пекущийся об овцах, делает своим подданным добро и заботится о том, чтобы у них было все хорошо (Никомахова этика. 1161a10-15).

Наиболее проработанный вид идея пастырской власти приобрела в рассуждениях Платона. В «Государстве» он позиционирует правителей в качестве пастухов полиса (*poimenon poleos*), уподобляя при этом сословие воинов-стражей (*phylakes*) сторожевым псам, в обязанность которых входит охрана стада (обеспечение внешней и внутренней безопасности государства). Отвечая на выпад Фрасимаха, утверждающего, что пастухи, когда они откармливают и холят свое стадо, заботятся исключительно о собственном благе, Платон вкладывает в уста Сократа мысль, согласно которой искусство пастуха, подобно искусству врача или кормчего, должно отвечать «не чему-нибудь иному, а своему прямому предназначению, и притом наилучшим образом, тогда овцы и будут в наилучшем состоянии» (Государство. 345d). В «Законах» Платон полагает, что в каждом государстве первой обязанностью правителя-законодателя (*nomothetos*) является проведение чистки в своем городе, аналогичной той, которую хороший пастух проводит в своем стаде, очищая его от слабых и болезненных элементов (Законы. 735b). В диалоге «Политик» Платон лишь по видимости отделяет

политическое искусство от искусства пастуха, сравнивая политика с ткачом. Государственный деятель – это не пастух, так как он не пасет свое стадо лично, а управляющий пастухами, который заботится обо всем сообществе, управляя пастухами, которые, в свою очередь, заботятся о каждом из его членов. «То искусство, которое действительно является царским, не должно само действовать, но должно управлять теми искусствами, которые предназначены для действия; ему ведомо начало и развитие важнейших дел в государстве, благоприятное и неблагоприятное для них время, и все прочие искусства должны исполнять его повеления» (Политик. 305d). Именно здесь вводится метафора ткачества. Искусство ткачества не заменяет искусство управления человеческим стадом, как утверждает М. Фуко, а скорее представляет собой двухступенчатый аппарат государственного управления, в рамках которого государь контролирует и отдает приказы тем, кто непосредственно управляет человеческим стадом (Ojakangas 2016: 82). При этом он не только управляет пастухами, но и занимается селекцией (это его исключительная прерогатива), разведением человеческого рода, потому что невозможно создать хорошее государство, если в нем есть смешение хороших людей и дурных (Политик. 308d).

Античная идея пастырского руководства проделала в своем развитии путь от образа пастуха, имевшего в самом начале в основном военное значение, до тщательно проработанной парадигмы благожелательной и заботливой власти. Не требуется изощренных интеллектуальных усилий, чтобы зафиксировать присутствие концепции биополитического пастырства у Платона и Аристотеля, поскольку ключевая для обоих идея политики как всепроникающего управления жизненными процессами во имя безопасности (*asphaleia*) и благополучия (*eudaimonia*) полиса и его обитателей *биополитична* по самой своей сути (Ojakangas 2016; см. также: Яркеев 2020). Без всякого преувеличения политические сочинения Платона и Аристотеля можно уверенно считать первыми полноценными трактатами не только по биополитике, но и по искусству полицейского управления государством. Показательно, что в текстах по полицейской науке XVII–XVIII вв. полностью отсутствуют ссылки на размышления христианских богословов, но зато в изобилии имеются ссылки на идеи Платона и Аристотеля, с трудами которых европейские полицейисты были очень хорошо знакомы. Именно рецепция переведенной в XIII в. на латынь «Политики» Аристотеля проложила путь для биополитических сюжетов в средневековой и ранней современной Европе. В протестантских университетах Германии, где зародилась полицейская наука, политическая мысль находилась под сильным влиянием аристотелевской политической философии. То же самое можно сказать и о французских концепциях полиции. Так, «Трактат о полиции» Н. Деламара (*Le Traité de la Police*, 1707) не только изобилует отсылками к греческим и римским авторам, институтам и практикам, но извлекает само определение полиции из текстов Платона и Аристотеля (Ojakangas 2016: 133–134). Сам термин «полиция» происходит от греческого слова *politeia* (в латинизированной форме *politia*), под которым подразумевалось государственное устройство и искусство управления полисом с целью его выживания

и процветания. Это искусство включало в себя право регулировать дела города в интересах общественного порядка, безопасности, нравственности, продовольственного снабжения и благосостояния. Оно также предполагало наличие в распоряжении государственной власти группы людей (астиномы, агораномы, метрономы, ситофилаки, токсоты и др.), наделенных полномочиями поддерживать порядок на улицах, обеспечивать честную торговлю на рынках, пресекать скандальное поведение и т.п. Древняя Греция и Древний Рим были очень похожи друг на друга в этом отношении⁸. В рамках традиций римского права слово *politia* постепенно приобрело значение внутреннего управления, обеспечения благосостояния, защиты и надзора.

Oikonomia: от пастырского служения к полицейскому администрированию

Как ранее отмечалось, возникновение идеи полицейского государства было обусловлено рождением нового управленческого интереса, связанного с извлечением выгоды для государства из жизненных процессов населения, превращенного в объект «экономического искусства», *technē oikonomikē* (по Аристотелю). Иными словами, в центре политических вопросов вместо верховной власти и законности оказались проблемы управленческих решений и их эффективности вне теологических и юридических форм суверенитета. Полицейское государство – это административное государство *per se*, в котором ключевая роль отводится не суверену, а «полицейскому» как чиновнику, или «министру» (лат. *minister* – слуга), выступающему в роли *minister Dei* («слуга Господа»)⁹, так как понятие суверена вырабатывалось на основе представления о всемогущем Боге¹⁰, одним из определений которого служит эпитет «князь пастырей» (*princeps pastorum*). В эсхатологической перспективе земные пастыри предстают как временные фигуры, необходимые лишь до пришествия истинного пастыря – Бога. Их роль сводится к подготовке паствы к финальному воссоединению с Богом, после чего их миссия завершается. Вернувшись, Христос освободит земных пастырей, замещавших его на протяжении истории, и сам возьмет на себя заботу о стаде, наставляя и направляя его. Это делегирование власти земным пастырям, таким образом, является временным, обусловленным отсутствием Христа на земле. После вознесения на небо Христос доверил свое стадо земным пастырям, которые должны были выступать в качестве его представителей,

⁸ Более подробно см.: (Иванов, Румянцев 2011; Emsley 2021; Fuhrmann 2012; Hunter 1994).

⁹ М. Фуко называет полицию прямым правлением суверена (Фуко 2011: 439), то есть суверен, минуя судебный аппарат и законы, через полицию осуществляет воздействие на подданных. Так, в марте 1667 г. Людовик XIV назначил высокопоставленного чиновника (Габриэль Николя де Ла-Рени) главой администрации крупнейшего города своего королевства; он назвал этого чиновника генерал-лейтенантом полиции Парижа.

¹⁰ Представление о правителе как о Боге в своем государстве можно обнаружить уже у Фомы Аквинского в трактате «О правлении» (*De Regno*).

ministri Dei. Термин «министр» в XVII в. перекочевал в политический лексикон из церковного языка, где он обозначал священнослужителя. «Именно понятие министр со всей двусмысленностью этого термина является сердцевинной проблемы, той точкой, в которой реально встречаются религия и политика, управление и пастырство» (Фуко 2011: 258).

Как показывает М. Фуко, полицейское государство в качестве парадигмы управления людьми наследует христианскому пастырству, которое представляет собой не что иное, как «управление душами» (*regimen animarum*), или «экономику душ» (*oikonomia psychon*), с целью спасения в потустороннем мире посредством постоянного контроля и заботы о человеке. Отход от античной биополитики с ее акцентом на утопическом эвдемонизме в христианский период истории западного мира очевиден: телесные блага, воспроизводство человеческого рода, совместные формы существования не обладают самостоятельной ценностью, так как не имеют продолжения за пределами земной жизни; посюсторонний политический порядок должен быть организован в соответствии с законами вечного мира для достижения бессмертной жизни души. Государство перестает быть просто механизмом обеспечения порядка и благосостояния; оно приобретает сакральную функцию, становясь инструментом реализации божественного плана на земле. В Римской империи в эпоху правления Константина Великого государство впервые в истории взяло на себя бремя попечения о человеческих душах. Все великие христианские теократии (как западные, так и восточные) были политическими режимами, в которых спасение души было одной из главных целей. Согласно М. Фуко, это стало началом процесса образования сложного сочетания политической и пастырской власти, в результате чего на исторической сцене появилось современное западное государство.

В древнегреческие времена слово *oikonomia* имело значение «организация/ведение домохозяйства», «управление домохозяйством», а слово *oikonomos* обозначало того, кто управляет домом. Суффикс *nomia*, который, как уже отмечалось, этимологически связан с пастушеством, широко использовался тогда для обозначения управления, распределения и надзора. Для целей данного анализа стоит отметить, что одно из значений термина *oikonomia* было связано с греческим семейством слов *dioikein*, *dioikesis*, имеющих тот же корень *oikos* и означающих управление городом. Именно это первоначальное значение термина стоики потом использовали в своих философских рассуждениях о власти, которая внутренне управляет всем (*tes ton holon oikonomias*). Управление городом в режиме *oikonomia* – идея по своему существу чисто биополитическая. Таким образом, европейская полиция XVII–XVIII вв. фактически предстает как античная *oikonomia*, то есть как биополитическое пастырство в рамках государства-домохозяйства, которое, однако, в своем развитии прошло путь опосредования христианской концепцией *oikonomia* как спасительного руководства душами.

В раннехристианскую эпоху термин *oikonomia* был теологически адаптирован святыми отцами церкви в качестве «божественной экономики» (*oikonomia theou*). Уже в посланиях апостола Павла еkkлeсия понимается

как «божественное домохозяйство» (*oikos theou*), а Бог – как «домостроитель» (*theos oikodomos*). Полемика по поводу тринитарного догмата между сторонниками божественного триединства и его противниками, выступающими за идею правления единого Бога (так называемыми «монархианами»), привела к обращению ряда теологов (Тертуллиан, Ириней, Ипполит и др.) к аргументации посредством использования термина *oikonomia*: подобно тому, как отец-домохозяин без потери собственной власти и без ущерба для собственной сущности может поручить своему сыну исполнение некоторых административных функций, Бог делегирует Сыну (Христу) бразды правления человеческой историей. Тем самым слово *oikonomia* в христианском богословии превратилось в специализированный термин, обозначающий искупление и спасение. К слову, гностики называли Христа «человек экономии» (*ho anthropos tes oikonomias*). Однако эта идея «божественной экономии» стала причиной цезуры, разделяющей в Боге бытие и действие (онтологию и праксис), царство и правление (Agamben 2009b: 8-10). Тринитарная ойкономия, основанная на этом разрыве между бездействующим трансцендентным Богом-Творцом и активным имманентным Богом-Пастырем (*pastor magnus*), участвующим в истории ради спасения человечества, образует христианскую доктрину божественного (провиденциального) управления миром в соответствии с эсхатологическим планом. Отсюда – двойная (биполярная) структура современной управленческой машины Запада, определяемой политической теологией «трансцендентного» суверенитета и экономической теологией «имманентного» администрирования, из которого вырастают полиция и биополитика модерна (Агамбен 2019: 13, 453). Парадигма администрирования не нуждается в политическом центре власти, даже если ее претензии на основополагающие принципы и трансцендентные основания остаются в силе.

По утверждению Дж. Агамбена, логическим следствием экономической теологии является тот факт, что полицейско-биополитическое («экономическое», *oikonomikos*) администрирование бесконечно имитирует акт исполнения спасительного действия, а чиновник-министр (администратор) референциально соотносится со священнослужителем как со своим прототипом. Идея пастырского служения (*ministerium pastoralis*) возникает в результате контаминации идеи священника как пастыря и идеи священника как носителя служебной должности. Концепция должностного служения (*officium, ministerium*) сформировалась в институциональном христианстве посредством древнегреческого понятия и практики полисной литургии (*leitourgia*) как публичной повинности ради общественного блага. Когда в Римской империи, где система литургических обязанностей (*munera*) достигла максимального распространения, христианство приобрело статус государственной религии, священство освободили от обязательных общественных повинностей, тем самым придав ему форму публичной службы, содержанием которой является культовая литургия (Агамбен 2022: 21-22).

Литургия является ключевым способом пастырского попечения. Собственно, само слово «литургия», дословно означающее «дело народа»,

по определению связана с заботой о людях. Ритуальная роль пастыря в литургическом собрании соответствует его роли в руководстве жизнью общины. Иначе говоря, пастырские заботы неотъемлемы от литургического собрания, а богослужение является необходимой частью пастырской заботы (Ommen 2016). Таким образом, пастырь одновременно является *oikonomos*, руководителем душ пасомых, и *leitourgos*, носителем богослужебной обязанности. Выход пастырской власти за пределы института христианской церкви в XVI–XVII вв. имел решающее историческое значение для формирования современного административного государства, которое в своей деятельности опирается на производство рациональных знаний о человеке и населении в целом.

Заключение

Представленный здесь историко-философский экскурс в генеалогию ранних предпосылок идеи полицейского государства ввиду ограниченного объема статьи является, конечно же, весьма упрощенным и поверхностным. Казалось бы, к превосходному исследованию М. Фуко о рождении полицейского государства из духа пастырской власти уже особо нечего добавить. Тем не менее, как показывает довольно беглый обзор данной проблематики, его аргументация не лишена определенных лакун и погрешностей, а поэтому нуждается в некотором уточнении и дополнении. Во-первых, он практически полностью игнорирует тему биополитического пастырства в древнегреческой философии и практике полисной жизни. Во-вторых, у него отсутствует обстоятельный анализ трансформации идеи пастырского служения институционального христианства в парадигму административного управления жизнью людей и населения посредством тринитарной ойкономии, а также за счет соединения в лице священнослужителя представления о церковной литургии с миссией попечительства о жизни людей ради их спасения.

Схематично резюмируя, можно сформулировать следующий вывод. Классическая идея полицейского государства в своем длительном «пренатальном» формировании, фактически соразмерном истории самого государства с древнейших времен, вырастает из пересечения двух траекторий эволюции западного управленчества, прослеживаемых на протяжении всего развития западного общества вплоть до наших дней: одна из них черпает свое вдохновение в древнегреческой модели биополитического пастырства, вторая уходит корнями в модель пастырского служения институционального христианства. Зарождение на рубеже XVI–XVII вв. рафинированной политической рациональности, центрированной понятием государственного интереса, стало началом процесса, в ходе которого две формы пастырской рациональности управления людьми (*ratio pastoralis*) начали тесно переплетаться. Тем не менее, только с появлением полиции и биовласти в XVII–XVIII вв. пастырская власть полностью вошла в политический аппарат в качестве светских инструментов современного государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агамбен Дж. 2019. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления. Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Гайдара : Факультет свободных искусств и наук С.-Петербург. гос. ун-та. 552 с.
- Агамбен Дж. 2022. *Opus Dei*. Археология службы. Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Ин-та Гайдара : Факультет свободных искусств и наук С.-Петербург. гос. ун-та. 280 с.
- Астапова О. 2017. Истоки сакрализации власти. Священная власть в древних царствах Египта, Месопотамии, Израиля. Москва : РИПОЛ классик. 490 с.
- Дин М. 2016. Правительность: власть и правление в современных обществах. Москва : Издат. дом «Дело» РАНХиГС. 592 с.
- Иванов А., Румянцев Н. 2011. Организация полицейской службы в древнегреческих полисах // Вестник Московского университета МВД России. № 8. С. 106–110.
- Каспэ С. 2022. Жизнь, смерть и государство // Россия в глобальной политике. Т. 20, № 1. С. 8–34. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-1-8-34
- Кильдюшов О. 2013. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. Т. 12, № 3. С. 9–40.
- Кревельд М. 2020. Расцвет и упадок государств. Москва ; Челябинск : Социум. 543 с.
- Ксенофонт. 1976. Киропедия. Москва : Наука. 334 с.
- Ксенофонт. 1993. Воспоминания о Сократе. Москва : Наука. 380 с.
- Луман Н. 2012. От полицейского государства к правовому государству // Социология власти. № 2. С. 228–236.
- Попов Д. 2022. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают // Научный вестник Омской академии МВД России. Т. 28, № 1. С. 82–93. DOI 10.24412/1999-625X-2022-184-82-93
- Скотт Дж. 2017. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Москва : Новое изд-во. 568 с.
- Скотт Дж. 2020. Против зерна: глубинная история древнейших государств. Москва : Издат. дом «Дело» РАНХиГС. 328 с.
- Тураев Б.А. 2018. Законы Хаммурапи. Москва ; Берлин : Директ-Медиа. 122 с.
- Филиппов А. 2012. Полицейское государство и всеобщее благо. Статья первая // Отечественные записки. № 2(47). С. 328–340.
- Филиппов А. 2013. Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. № 5 (123). С. 48–63.
- Филиппов А. 2014. Политическое единство, политическое множество и полицейское государство: к постановке проблемы // Пути России. Новые языки социального описания : сб. статей. Москва : Новое лит. обозрение. С. 8–31.
- Фуко М. 1996. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. Москва : Касталь. 448 с.
- Фуко М. 2005. Нужно защищать общество. Санкт-Петербург : Наука. 312 с.
- Фуко М. 2011. Безопасность, территория, население. Санкт-Петербург : Наука. 544 с.
- Шмитт К. 2008. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 670 с.
- Шмитт К. 2016. Понятия политического. Санкт-Петербург : Наука. 568 с.
- Яркеев А.В. 2020. Древнегреческие истоки современной биополитики // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 2(97). С. 7–21. DOI 10.30570/2078-5089-2020-97-2-7-21

- Яркеев А.В. 2021. Государство и биополитика: к истокам взаимосвязи // Политика и общество. № 3. С. 39–47. DOI 10.7256/2454-0684.2021.3.36524
- Agamben G. 2009a. *The Signature of All Things: On Method*. Brooklyn : Urzone Inc. 124 p.
- Agamben G. 2009b. *What is an Apparatus?* Stanford : Stanford Univ. Press. 56 p.
- Atack C. 2020. *The Discourse of Kingship in Classical Greece*. London ; New York : Routledge. 242 p.
- Brock R. 2013. *Greek Political Imagery from Homer to Aristotle*. New York : Bloomsbury. 252 p.
- Burchell G. et al. 1991. *The Foucault Effect. Studies in Governmentality* / Burchell G., Gordon C., Miller P. Chicago : The Univ. of Chicago Press. 307 p.
- Chapman B. 1970. *Police State*. London : Macmillan Education. 150 p.
- Emsley C. 2021. *A Short History of Police and Policing*. Oxford : Oxford Univ. Press. (ebook).
- Fuhrmann C. 2012. *Policing the Roman Empire. Soldiers, Administration, and Public Order*. Oxford : Oxford Univ. Press. 330 p.
- Hunter V. 1994. *Policing Athens. Social Control in the Attic Lawsuits, 420-320 B. C.* Princeton, NJ : Princeton Univ. Press. 303 p.
- Ivy J. 2010. *The Ancient Near Eastern Origins and Endurance of 'King as Shepherd' Language*. URL: https://www.academia.edu/2603645/Shepherd_as_King_in_the_Ancient_Near_East (дата обращения: 15.01.2025).
- Jobe K. 2015. Foucault and ancient polizei: a genealogy of the military pastorate // *Journal of Political Power*. Vol. 8, iss. 1. P. 21–37. DOI 10.1080/2158379x.2015.1011378
- Lamb M. 2024. *A Philosophical History of Police Power*. London ; New York : Bloomsbury Academic. 220 p.
- Ojakangas M. 2016. *On the Greek Origins of Biopolitics*. London ; New York : Routledge. 158 p.
- Ommen L. 2016. *Liturgy and Pastoral Care: Pastoral Worship and Priestly Counseling* // *Studia Liturgica*. Vol. 46, iss. 1–2. P. 208–221. DOI 10.1177/00393207160461-214
- Waters J.W. 1970. *The Political Development and Significance of the Shepherd-King Symbol in the Ancient Near East and in the Old Testament : Dissertation*. Boston University.
- Zartaloudis T. 2019. *The Birth of Nomos*. Edinburgh : Edinburgh Univ. Press. 485 p.

References

- Agamben G. *Opus Dei: An Archeology of Duty*, Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, 280 p. (in Russ.).
- Agamben G. *The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government*, Moscow, St. Petersburg, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, 552 p. (in Russ.).
- Agamben G. *The Signature of All Things: On Method*, Brooklyn, Urzone Inc., 2009, 124 p.
- Agamben G. *What is an Apparatus?* Stanford, Stanford Univ. Press, 2009, 56 p.
- Astapova O. *Istoki sakralizatsii vlasti. Svyashchennaya vlast' v drevnikh tsarstvakh Egipta, Mesopotamii, Izrailya* [The origins of the sacralization of power. Sacred authority in the ancient kingdoms of Egypt, Mesopotamia, and Israel], Moscow, RIPOl klassik, 2017, 490 p. (in Russ.).
- Atack C. *The Discourse of Kingship in Classical Greece*, London, New York, Routledge, 2020, 242 p.

- Brock R. *Greek Political Imagery from Homer to Aristotle*, New York, Bloomsbury, 2013, 252 p.
- Burchell G., Gordon C., Miller P. *The Foucault Effect. Studies in Governmentality*, Chicago, The Univ. of Chicago Press, 1991, 307 p.
- Chapman B. *Police State*, London, Macmillan Education, 1970, 150 p.
- Crevelde M. *The Rise and Decline of the State*, Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, 2020, 543 p. (in Russ.).
- Dean M. *Governmentality Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS, 2016, 592 p. (in Russ.).
- Emsley C. *A Short History of Police and Policing*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2021, (ebook).
- Filippov A. *Politicheskoe edinstvo, politicheskoe mnozhestvo i politseyskoe gosudarstvo: k postanovke problemy* [Political Unity, Political Plurality, and the Police State: towards a problem statement], M.G. Pugacheva, V.P. Zharkov (eds.), *Puti Rossii : sb. Statey*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, vol. 19: Novye yazyki sotsial'nogo opisaniya, pp. 8–31. (in Russ.).
- Filippov A. *Politseyskoe gosudarstvo i vseobshchee blago. Stat'ya pervaya* [The Police State and General Welfare], *Otechestvennye zapiski*, 2012, no. 2(47), pp. 328–340. (in Russ.).
- Filippov A. *Sovetskaya sotsiologiya kak politseyskaya nauka* [Soviet Sociology as a Police Science], *New Literary Observer*, 2013, no. 5(123), pp. 48–63. (in Russ.).
- Foucault M. *Security, Territory, Population*, St. Petersburg, Nauka, 2011, 544 p. (in Russ.).
- Foucault M. *Society Must Be Defended*, St. Petersburg, Nauka, 2005, 312 p. (in Russ.).
- Foucault M. *The Will to Truth: beyond power, knowledge, and sexuality*. Works from different years, Moscow, Kastal', 1996, 448 p. (in Russ.).
- Fuhrmann C. *Policing the Roman Empire. Soldiers, Administration, and Public Order*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2012, 330 p.
- Hunter V. *Policing Athens. Social Control in the Attic Lawsuits, 420-320 B. C.*, Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, 1994, 303 p.
- Ivanov A.A., Rumyantsev N.V. *Organizatsiya politseyskoy sluzhby v drevnegrecheskikh polisakh* [Organization of Policing in Ancient Greece Polises], *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 8, pp. 106–110. (in Russ.).
- Ivy J. *The Ancient Near Eastern Origins and Endurance of 'King as Shepherd' Language*, 2010, available at: https://www.academia.edu/2603645/Shepherd_as_King_in_the_Ancient_Near_East (accessed January 15, 2025).
- Jobe K. Foucault and ancient polizei: a genealogy of the military pastorate, *Journal of Political Power*, 2015, vol. 8, iss. 1, pp. 21–37. <https://doi.org/10.1080/2158379x.2015.1011378>
- Kaspe S.I. Life, Death, and the State, *Russia in Global Affairs*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 8–34. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-1-8-34> (in Russ.).
- Kildyushov O. *Politsiya kak nauka i politika: o rozhdenii sovremennogo poryadka iz filosofii i politseyskoy praktiki* [Police as Science and Politics: on the Birth of Contemporary Order from Philosophy and Political Practice], *Russian Sociological Review*, 2013, vol. 12, no. 3, pp. 9–40. (in Russ.).
- Lamb M. *A Philosophical History of Police Power*, London, New York, Bloomsbury Academic, 2024, 220 p.
- Luhmann N. From a Police State to a Rule of Law State, *Sociology of Power*, 2012, no. 2, pp. 228–236. (in Russ.).

Ojakangas M. *On the Greek Origins of Biopolitics*, London, New York, Routledge, 2016, 158 p.

Ommen L. Liturgy and Pastoral Care: Pastoral Worship and Priestly Counseling, *Studia Liturgica*, 2016, vol. 46, iss. 1–2, pp. 208–221. <https://doi.org/10.1177/00393207160461-214>

Popov D. To the Question of Origin of Biopolitics: A Mystery that is Unnoticed, *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 82–93. (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2022-184-82-93>

Schmitt C. *The Concept of the Political*, St. Petersburg, Nauka, 2016, 568 p. (in Russ.).

Schmitt C. *The Nomos of the Earth*, St. Petersburg, Vladimir Dal', 2008, 670 p. (in Russ.).

Scott J. *Against the Grain. A Deep History of the Earliest States*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS, 2020, 328 p. (in Russ.).

Scott J. *The Art of not being governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2017, 568 p. (in Russ.).

Turaev B.A. *Zakony Khammurapi* [The Laws of Hammurabi], Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2018, 122 p. (in Russ.).

Waters J.W. *The Political Development and Significance of the Shepherd-King Symbol in the Ancient Near East and in the Old Testament : Dissertation*, Boston University, 1970.

Xenophon. *Conversations of Socrates*, Moscow, Nauka, 1993, 380 p. (in Russ.).

Xenophon. *Cyropaedia*, Moscow, Nauka, 1976, 334 p. (in Russ.).

Yarkeev A.V. Ancient Greek Origins of Modern Biopolitics, *Politeia*, 2020, no. 2(97), pp. 7–21. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-97-2-7-21> (in Russ.).

Yarkeev A.V. The State and Biopolitics: Towards the Origins of Interrelation, *Politics and Society*, 2021, no. 3, pp. 39–47. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2021.3.36524> (in Russ.).

Zartaloudis T. *The Birth of Nomos*, Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2019, 485 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Яркеев

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-0068-468X;
ResearcherID: K-2735-2018;
SPIN-код: 3460-4549;
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey V. Yarkeev

Doctor of Philosophy, Leading researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-0068-468X;
ResearcherID: K-2735-2018;
SPIN-code: 3460-4549;
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru